

**Этнополитика Российской Империи:
влияние на развитие
Юга и Востока Украины
(XIX — начало XX веков)**

БАРАНОВ Андрей Владимирович

Доктор исторических наук,

доктор политических наук,

профессор кафедры политологии

и политического управления

Кубанского государственного университета,

г. Краснодар, Россия.

Электронная почта: baranovandrew@mail.ru

**Ethnopolitics of the Russian Empire:
Its Influence on the Development
of the South and East of Ukraine
(the 19th —the Early 20th Centuries)**

Andrey V. BARANOV

Dr. Sci. (National History), Dr. Sci. (Political Institutes,

Ethnopolitical Conflictology, National Political Processes and

Technologies), Prof.

Department of Political Science and Political

Management,

Kuban State University

Krasnodar, Russia

e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация

В статье определена направленность этнополитики Российской империи на Украине в XIX — начале XX вв. Раскрыта альтернативность нациестроительства имперского периода. Выявлено противоречивое влияние государственной этнополитики на социокультурное развитие Новороссии (Юга и Востока современной Украины), а также Малороссии (Центра и Запада Украины).

Ключевые слова: этнополитика, Российская империя, национализм, Новороссия, Малороссия, XIX — начало XX вв.

Abstract

The article defines the purposes of ethnic policy of the Russian Empire in the Ukraine in the 19th — the early 20th centuries. The alternativeness of nation-building in imperial period is disclosed. The contradictory influence of the state ethnic policy on sociocultural development of New Russia (South and East of the contemporary Ukraine) and the Malorussia (Central and Western Ukraine) is revealed.

Keywords: ethnopolitics, the Russian empire, nationalism, New Russia, Malorussia, the 19th — the early 20th centuries.

Актуальность темы в том, что именно период XIX — начала XX вв. стал временем зарождения и определения доминант украинского национализма. Органы власти Российской империи встали перед сложным выбором курса этнополитики в новых условиях острой конкуренции с «периферийным» национализмом. Как показал исход ре-

волюций 1905–1907 и 1917–1922 гг., выбор был неудачным. Кроме того, гражданская война на Украине 2014–2015 гг. сделала актуальным поиск исторических причин слабой интегрированности страны. Усилилось внимание к альтернативным проектам нациестроительства XIX — начала XX вв. в Малороссии, Новороссии, Галичине, Закарпатской Руси.

Цель статьи — определить направленность этнополитики Российской империи в малороссийских губерниях и ее влияние на социально-экономическое и социокультурное развитие Новороссии (Юга и Востока нынешней Украины) в 1795–1904 гг. Выбор хронологических рамок объясняется рубежными событиями, создавшими условия нациестроительства в регионе: от третьего раздела Речи Посполитой, вызвавшего воссоединение Малороссии, до революции 1905–1907 гг. Территориальные пределы исследования включают в себя Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую губернии, часть Таврической губернии (без Крыма).

Степень изученности темы достаточно высока, но неравномерна по аспектам. Исследование истории региона началось в 1830-х гг. с работы А.А. Скальковского [31]. Общепринятым в дореволюционной историографии был термин «Новороссия (Новороссийский край)». Под ним единодушно подразумевали полиэтнический регион, объединявший Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии (см.: [1] [4] [21] [28] [36] [37]). Реже в Новороссию включали Бессарабию, Крым, Черноморию. Такие упоминания есть в исследованиях присоединения Северного Причерноморья к Российской империи (1774–1793). Но их нет при анализе более поздних периодов. Слобожанщиной (Слободской Украиной) называли нынешние

Харьковскую, Сумскую, часть Белгородской, Воронежской и Курской областей. Русские дореволюционные историки рассматривали Новороссию, Слобожанщину и Малороссию (в узком смысле Приднепровье) как развивавшиеся отдельно друг от друга сообщества с разным этническим составом [25].

Напротив, по мере зарождения и укрепления украинского национализма в XIX—начале XX вв. нарастала тенденция причислять сообщества Новороссии к «соборной Украине» (работы Н. И. Костомарова [20], М. С. Грушевского [10], С. Л. Рудницкого [47]). Использовался миф об определяющем значении запорожского казачества в развитии Причерноморья после 1774 г., а в «украинцы» зачислялись все выходцы из малороссийских земель.

В советский период термин «Новороссия» исчезает из научного употребления, будучи заменён на «Северное Причерноморье» либо «Южную Украину» (работы Е.И. Дружининой [11; 12; 13]). В толковании В. М. Кабузана Северное Причерноморье и Новороссия — синонимы, но без этнокультурного контекста, географические [15]. В этом проявился отказ советской историографии от доктрины «триединой русской нации», общепринятой до 1917 г. Сложился стереотип — описывать историю всех местностей в пределах Украинской ССР как локальный вариант истории Украины [14].

Первым из современных российских исследователей применил конструктивистский подход к этнической истории Украины А. И. Миллер [14]. Он доказал альтернативный характер этнических процессов в дореволюционной Малороссии, раскрыл цели и методы создания «украинства» в публицистике и историографии конца XVIII—начала XX вв. Среди украинских историков данный

подход применяет Г.В. Касьянов, критикуя мифы «национальной истории» [17].

С. В. Константинов и А. И. Ушаков [19], А. И. Миллер (см.: [24] [27]) сосредоточили внимание на стратегиях самодержавной власти. Другие направления — анализ этнической идентичности общества (А. Каппелер) [16], экономико-сословных факторов конфликта (Д. Бовуа) [2] и украинского национализма (В. А. Матвеев) [23].

Обобщенная оценка постсоветской историографии Украины дана А. Портновым [46]. Он отмечает отказ от представлений о триединой русской нации; пересмотр атрибуции ролей «чужих, захватчиков» (вместо поляков и крымских татар эта роль приписывается русским), подмену классовой борьбы в качестве основной темы исследований на «национальную историю». Доминирует примордиальная трактовка украинской нации. Игнорируется конструируемый характер наций, их нетождественность этническим группам на различных этапах истории. После распада СССР многие украинские историки (В. И. Семенченко, Л. О. Радченко, В. И. Танцюра, В. В. Петровский и др.) сосредоточили внимание на доказательстве единства украинской этнонации и её приоритета в освоении Юга и Востока страны (см.: [40] [45]).

Важным для украинской историографии стало освоение теорий современной этнологии, в которой доминируют парадигмы конструктивизма и инструментализма. Канадско-украинский исследователь П.Р. Магочий поставил вопрос об иерархии лояльностей украинцев в имперский период, что открыло возможность переосмыслить конкуренцию различных проектов этничности, отвергнуть миф о непрерывном национальном строительстве [43]. Другой историк диаспоры Дж.-П. Химка выявил аль-

тернативы развития идентичности галичан в XVIII—начале XX вв.: ассимиляцию с поляками, «общерусскую» идею, русинство и «украинский проект» [48]. Стал возможным анализ причин возобладания украинства, сравнение ресурсов и структуры политических возможностей каждого из соперничавших движений. История русских, языковая идентичность и государственная политика в Малороссии рассмотрены усилиями М. Погребинского, А. Попова и А. Толпыго [30].

В российской историографии тема оставалась на периферии внимания. Её исследование сдерживалось стереотипами примордиального осмысления этничности. Характерно, что в фундаментальном труде «Украинцы» (Институт этнологии и антропологии РАН) население Юга и Востока Украины не отнесено к этнографическим группам (среди них перечислены бойки, гуцулы, лемки, литвины и полешуки) [7]. Не интерпретировался и феномен двойной идентичности сообщества Новороссии, сведенный к наличию диалектов украинского языка [9].

Важны работы ряда европейских (А. Каппелер [42], А.В. Вендланд [39]) и украино-канадских (Дж.-П. Химка [34]) исследователей. В них обоснована полиэтничность региональных сообществ Украины, переходное состояние их идентичности в XVIII—начале XX вв. Принципиальное значение имеет гипотеза А.В. Вендланд: история регионов Украины может быть корректно понята в ракурсе её транснациональности. Это — «перекрестная» история с равным участием украинского, русского и иных сообществ, которые неразрывно переплетены [39].

Научный интерес к теме резко активизировался с начала 2000-х гг., когда обострилась борьба за идентификационный выбор Украины. Рубежными стали работы

А.В. Мальгина, В.Е. Григорьянца, А.В. Ишина и С.С. Жильцова [8], львовского географа М.С. Днистрянского [41]. В них обосновывается историко-географическое районирование Украины по признакам традиций этнической и региональной культуры. Австрийский исследователь Г. Биндер доказал, что города Юга и Востока Украины (Одесса, Харьков, Екатеринослав, Николаев, Юзовка — Донецк, Луганск и др.) были центрами добровольной интеграции в общероссийское пространство, что было обращено вспять по политическим причинам [38]. В. Маслийчук выявил роль выбора региональных наименований сообществ в их интеграции и позиционировании относительно российского и украинского национальных проектов [44]. Обратим внимание и на исследования демографических, в тч. — миграционных процессов (работы Я.В. Бойко, С.Я. Сушного) [3; 32, с. 107-138, 168-197].

Региональные школы историографии (Одесса, Харьков, Днепропетровск, Запорожье) до 2014 г. выдвигали концепции истории, корректирующие официальную, а в ряде случаев (Донбасс, Крым) — отвергающие украиноцентричную доктрину прошлого. Концепцию истории Украины как сообщества равноправных народов аргументировал крымский историк А.В. Мальгин [22]. А.В. Ставицкий опровергает мифы украинского национализма [33]. Важно и новейшее обзорное исследование истории Новороссии (А.В. Шубин), поскольку в нем выявлены традиции и «символы гордости» регионального сообщества [35].

Понятие «этнополитика» (по старинке называемое в российских социальных и гуманитарных науках «национальной политикой») означает систему принципов, задач, направлений и методов целенаправленного воздействия на этническую сферу общества либо на отдельные наро-

ды. Субъектами этнополитики выступают в традиционных обществах органы государственной власти, а по мере модернизации — также партии, общественные объединения, независимая печать, предпринимательские и интеллектуальные союзы. Однако, как убедительно доказали А. Каппелер и А.И. Миллер, Российская империя XIX в. не могла проводить такую политику в малороссийских губерниях, ограничиваясь противоречивыми и непоследовательными политическими мерами.

Империя предлагала своим подданным надэтнический проект, основанный на уваровской триаде «православие, самодержавие, народность». Доктрина триединой русской нации осталась недостаточно отчетливой. Под такой нацией могли подразумеваться и только этнические великороссы, и все православные, и восточное славянство в целом. Это означало настороженность, а подчас и враждебность чиновников по отношению к этническому великорусскому национализму в лице славянофилов, почвенников, а затем и черносотенцев. Самодержавная система отрицала применение властью института лояльных политических партий до 1905 г., тогда как «украинское» движение достаточно эффективно использовало данный способ организации.

Кроме этого, сословная политика опоры на дворянство создавала в Малороссии неразрешимое противоречие: помещиками на Правобережье Днепра были в основном католики-поляки, враги империи. Поэтому правительство было вынуждено заигрывать с крестьянством (в основном — малороссами и великороссами), предоставляя земельные льготы за счет польского дворянства. Земская реформа в Правобережье не проводилась. Миграция малороссов в другие регионы империи сдерживалась

до 1870-х гг. А в космополитичных городах Новороссии (Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Мариуполе) сформировались сильные локальные элиты буржуазного типа, что делало государственную бюрократию зависимой [18].

Накладывали свои ограничения на этнополитику властей и геополитические интересы. Малороссия была передовым краем соперничества Российской, Австрийской и Османской империй, а это требовало жесткой унификации. Разделы Речи Посполитой привели к тому, что в состав Российской империи вошли земли Подолья, Волыни, Поднепровья, где дворяне и чиновники были сильно ополечены. Резко возрос удельный вес евреев в населении империи. А.И. Миллер глубоко аргументировал тезис о влиянии Великой Французской революции на распространение идей этнонации сначала в Польше, а через ее посредство — и в Малороссии. Причем раннее украинофильство проявлялось в историко-просветительных и фольклорно-литературных видах деятельности. Его первоначальным центром был Харьковский университет (1820–30-е гг.), и лишь позже движение перемещается в Киев 1840-х гг. и политизируется (Кирилло-Мефодиевское общество) [27, с. 66].

Российские власти воспринимали украинофильство как копирование польского движения, и цикл мер против него диктовался европейской политикой. Например, роспуск униатской церкви в Российской империи (1839 г.) стал прямым последствием польского восстания 1830–1831 гг. Окончательный запрет униатства в 1875 г. связан с преобразованием Королевства Польского в Привислинский край. То же следует сказать и об языковой политике. Валуевский декрет 1863 г. и Эмский указ 1876 г. ставили цель пресечь распространение революционной литерату-

ры на украинском языке, а не уничтожить применение украинского языка в целом. А.И. Миллер приводит важный факт: в 1896 г. цензурное ведомство разрешило к изданию 58% рассмотренных текстов на украинском языке [26, с. 150].

Позитивная же, а не репрессивная программа мер этнополитики планировалась, исполнялась и финансировалась явно недостаточно. Российским властям явно не хватало желания и ресурсов развивать образование на русском языке, стимулировать переезд малороссов в города, формировать лояльные русифицированные элиты.

Перейдём к третьему аспекту темы — направленности этнодемографических процессов. Воссоединение Гетманщины с Российским государством (1654 г.) вызвало расселение великороссов и малороссов в Слобожанщине. Победы России над Османской империей в войнах XVIII в. вызвали славянское заселение Новороссии — обширного региона от Бессарабии до Мариуполя. Часть Донбасса входила в состав Области Войска Донского до 1920 г. Административно-территориальное деление неоднократно менялось. С 1803 г. стало устойчивым понимание Новороссии как трех губерний — Екатеринославской, Таврической и Херсонской. Малороссией же считались губернии Полтавская, Черниговская и Харьковская [30, с. 30]. В период реформ 1861–1914 гг. быстро развивалась урбанизация и индустриализация региона. Выявились его основные центры инноваций и, одновременно, конструирования идентичности: Одесса, Харьков, Екатеринослав.

Масштабные изменения этнического состава населения стали следствием своеобразия политики, которую проводило в регионе правительство Российской империи. Так, на Новороссию не распространялось крепостное

право. Беглых крепостных не возвращали своим хозяевам. Соблюдалась свобода вероисповедания, было разрешено переселение старообрядцев, татарские мурзы приравнивались по статусу к российскому дворянству. Введена свобода передвижения, постоянные жители освобождены от воинской повинности и получили право на свободную куплю-продажу земли. Иностранные переселенцы не платили налоги в течение 5 лет. Поощрялось «выведение» российскими помещиками своих крепостных из центра империи на новую окраину.

Как установили С.И. Брук и В.М. Кабузан, первая ревизия 1719 г. в пределах будущих Екатеринославской и Херсонской губерний учла 14,4 тыс. великороссов и 7,5 тыс. малороссов (это — именно территориальные, а не национальные категории статистики) [6, с. 20, 23]. Население Новороссии в 1782 г. составляли: уроженцы малороссийских губерний — 74,4%; великороссы — 5,8%, молдаване — 9%; греки — 4,3%; армяне — 3,5%; 2,5% в сумме составляли болгары, волохи, албанцы, поляки, шведы, немцы [6, с. 20, 23]. Но по ревизии 1795 г. (с учетом присоединения Крыма и Северного Причерноморья) удельный вес малороссов на Юге составил 44% жителей, в том числе в будущей Екатеринославской губернии — почти 80%, в Херсонской — 81,2%, а в Крыму — лишь 1,3% [29, с. 79].

Освобождение крестьян от крепостного права и рыночные преобразования вызвали мощный миграционный приток на Восток и Юг Малороссии, породили ускоренную урбанизацию. Постоянно преобладала стихийная, а не организованная властью, миграция. По подсчётам Я.В. Бойко, среди 822 тыс. переселенцев в регион (1860–90-е гг.) преобладали выходцы из великорусских губерний — 45,3%, Левобережной (23,6%) и Правобе-

режной (23,0%) Малороссии. За 1897–1917 гг. в Новороссию переселилось еще 1227 тыс. чел. [3, с. 8-9]. Регион стал крупным производителем зерна и сахарной свеклы. Бурно развивалась горнорудная, металлургическая, судостроительная промышленность. Университеты в Харькове и Одессе открылись раньше, чем в Киеве. Рост образованности и мобильности вел к русификации. Сложилось «этническое разделение труда»: великороссы и евреи преимущественно селились в городах, а малороссы — в сёлах. По переписи 1897 г., русские составили 45,1% горожан Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерний; евреи — 24,3%; украинцы — 17,5% [3, с. 24-28]. Это важные факты, т.к. развитая этническая идентичность создается городским интеллигентами и чиновниками, а не всем сообществом.

Отметим местные особенности этнодемографии. По переписи 1897 г. великороссы преобладали в городах региона: Луганске (68,2%), Николаеве (66,3%), Бердянске (66,05%), Мариуполе (63,2%), Харькове (63,1%), Одессе (49,1%), Херсоне (47,2%), Мелитополе (42,8%), Екатеринославе (41,8%), Елисаветграде (34,6%). В горнозаводской промышленности Донбасса великороссы составляли 74% рабочих, а в металлургии — 69% [13, с. 342]. Тогда как малороссы насчитывали 25,9% жителей Харькова, 19,6% — Херсона, 15,8% —Екатеринослава, 10,0% —Мариуполя, 9,4% —Одессы, 8,5% —Николаева [38, с. 188].

Быстрый рост населения в итоге миграции и высокой рождаемости привел к ассимиляции значительной части малороссов. Во второй половине XIX в. население Донбасса увеличивалось в 5 раз быстрее, чем в других регионах империи. В целом по Новороссии удельный вес малороссов сократился с 52,5% в 1755 г. до 41,3% в 1917 г.

[6, с. 23, табл. 4]. В 1897–1917 гг. эти процессы получили последовательное развитие.

В регионах Юга и Востока жители осознавали себя частью «переходных», своеобразных территориальных сообществ. Г. Биндер, описывая образы городов в исторической памяти, признаёт: «Харьков... нельзя втиснуть в национальную схему... скорее, дискурс города на границе, причём граница интерпретируется позитивно как место перехода и встречи и противопоставляется узкому националистичному видению» [38, с. 185]. Эта гипотеза подтверждается слабым распространением идей украинского национализма, да и украинского языка ко времени революции 1917 г. и Гражданской войны. Е. Ю. Борисёнок цитирует доклад представителя командования австрийской армии при Центральной Раде Вальдштетена в МИД Австро-Венгрии от 16 мая 1918 г.: «Нет никакой украинской национальной мысли, по крайней мере, в Южной Украине. Все живут, думают и говорят по-русски. По-украински никто не понимает» [5, с. 34].

Итак, сделаем выводы. Особенности истории Новороссии (Юга и Востока нынешней Украины) привлекают нарастающее внимание историков. Постепенно эксперты осваивают современные парадигмы и методики анализа полиэтнических, «многосоставных» сообществ. Но неравномерно изучены как различные историко-культурные регионы Новороссии, так и особенности их развития в этносоциальном аспекте. Перспективным направлением исследований становится выяснение «несущих конструкций» исторической памяти сообществ с целью поиска «опор» идентичности Новороссии.

Меры этнополитики Российской империи в регионе (1795–1904 гг.) были противоречивыми и непоследова-

тельными. Империя предлагала надэтнический проект, основанный на триаде «православие, самодержавие, народность». Доктрина триединой русской нации недостаточно отчетлива. Это означало настороженность, а подчас враждебность чиновников к этническому великорусскому национализму славянофилов, почвенников, а затем черносотенцев. Самодержавная система отрицала применение властью лояльных политических партий до 1905 г., хотя «украинское» движение достаточно эффективно использовало этот способ организации.

Сословная политика самодержавия создавала в Малороссии неразрешимое противоречие между опорой на польско-католическое в своей основе дворянство, и заигрыванием с малороссийским крестьянством. Российские власти воспринимали украинофильство как копирование польского движения, и цикл жестких мер против него диктовался европейской политикой. Но законодательные акты 1860–1870-х гг. ставили цель пресечь распространение революционной литературы на украинском языке, а не уничтожить применение украинского языка в целом.

Позитивная же, а не репрессивная программа мер этнополитики планировалась, исполнялась и финансировалась явно недостаточно. Российским властям явно не хватало желания и ресурсов развивать образование на русском языке, стимулировать переезд малороссов в города, формировать лояльные русифицированные элиты.

Освобождение крестьян от крепостного права и рыночные преобразования вызвали мощный миграционный приток в Новороссию, породили ускоренную урбанизацию. Быстрый рост населения вследствие миграции и высокой рождаемости привел к ассимиляции значительной части малороссов. Это создавало условия для зарождения

и укрепления региональной идентичности в Новороссии на основе русского языка, православия, интеграции а общеимперское, а не формируемое впервые украинское пространство. Но ввиду традиционализма и авторитарности политики имперских властей данный ресурс укрепления государства поддерживался недостаточно и неэффективно, что привело к активизации украинского национализма в условиях революций и Гражданской войны.

Использованная литература:

1. Багалей Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889.
2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Бойко Я.В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII — начало XXI в.). Этностатистический очерк. Черкассы: Вертикаль, 2007. Вып. 1.
4. Бориневич А. С. Императрица Екатерина II, Новороссия и Одесса (Общедоступный очерк). Одесса: Тип. Высочайше утвержденного Южно-Русского о-ва печатного дела, 1896.
5. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М.: Европа, 2006.
6. Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII–начале XX вв. // Советская этнография. 1981. № 5. С. 15–32.
7. Горленко В. Ф. Этнографические группы // Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарёв. М.: Наука, 2000. С. 44–54.

8. Григорьянц В. Е., Жильцов С. С., Ишин А. В., Мальгин А. В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М.: Восток — Запад, 2011.
9. Гриценко П. Е. Украинский язык и говоры // Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарёв. М.: Наука, 2000. С. 63–70.
10. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1991.
11. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье. 1775–1800. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
12. Дружинина Е. И. Южная Украина. 1800–1825. М.: Наука, 1970.
13. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма: 1825–1860 гг. М.: Наука, 1981.
14. История Украинской ССР: в 10-ти т. / гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев: Наукова думка, 1983. Т. 4.
15. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII–первой половине XIX в. (1719–1858). М.: Наука, 1976.
16. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.
17. Касьянов Г. В. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI в.: сб. ст. М.: Школа «Языки русской культуры», 2012. С. 217–255.
18. Кинг Ч. Одесса. Величие и смерть города грез. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2014.
19. Константинов С. В., Ушаков А. И. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XX, 2001.

20. Костомаров Н. И. Две русские народности // Исторические монографии и исследования. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. Кн. 1. С. 33–78.
21. Малороссия. Новороссия. Крым: исторический и этнографический очерк / сост. А. Г. Макаров, С. Э. Макарова. М.: АИРО-XXI; СПб: Дмитрий Буланин, 2006.
22. Мальгин А. В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005.
23. Матвеев В. А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение. Ростов н/Д: Омега-Принт, 2015.
24. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
25. Миллер А. И. Малоросс // Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. С. 343–394.
26. Миллер А. И. Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 145–155.
27. Миллер А. И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. С. 343–393.
28. Миллер Д. Заселение Новороссийского края и Потёмкин. Харьков: О-во распространения в народе грамотности, 1901.
29. Наулко В. И. Численность и территориальное расселение украинцев в XVIII–XX вв. // Украинцы. М.: Наука, 2000.
30. Погребинский М., Попов А., Толпыго А. Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. М.: Весь мир, 2013. С. 237–281.

31. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края: 1730–1823. Одесса: Городская типография, 1836.
32. Суций С.Я. Украина — Россия — мир: некоторые грани взаимодействия (до и после кризиса). Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014.
33. Ставицкий А. В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015.
34. Химка Дж.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI в.: сб. ст. М.: Школа «Языки русской культуры», 2012. С. 421–454.
35. Шубин А.В. История Новороссии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
36. Щербальский П. Потёмкин и заселение Новороссийского края. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1868.
37. Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889.
38. Біндер Г. Місто, урбанізація та націотворення в Україні // Україна. Процесі націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 182–198.
39. Вендланд А. В. Україна транснаціональна: транснаціональність, трансфер культури, перехресна історія // Україна. Процесі націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 61–80.
40. Етнонаціональна структура українського суспільства: Довідник / авт. В. Б. Євтух, В. П. Трошнінський, К. Ю. Галушко, К. О. Чернова. Київ: Наукова думка, 2004.

41. Дністрянський М. С. Етнополітична географія України. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006.
42. Каппелер А. Громадянська чи етнічна нація? Зауваги з теорії та історіографії // Україна. Процеси націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 13–30.
43. Магочій П. Р. Українське національне відродження: нова аналітична структура // Український національний журнал. 1991. № 3. С. 97–107.
44. Маслійчук В. «Від України до Малоросії». Регіональні назви і національна історія // Україна. Процеси націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 229–245.
45. Політична історія України: Навчальний посібник. 2-е вид., доп. / за ред. В. І. Танцюри. Київ: Академвидав, 2008. С. 136–215.
46. Портнов А. Україна: Сучасна історіографія українського націотворення: кілька спостережень // Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер. Київ: К.І.С., 2011. С. 39–47.
47. Рудницький С.Л. Огляд національної території України. Берлін: Українське слово, 1923.
48. Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // Intellectuals and the Articulation of the Nation / ed. by R.G. Suny, M.D. Kennedy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 109–164.